

Муретов М. Д. Пророчество и языкоговорение (глоссолалия), как знамения для верующих и неверов: (1 Кор. 14, 20—25) //
Богословский вестник 1904. Т. 2. № 7/8. С. 496—520 (4-я пагин.).

Пророчество и языкоговорение (глоссолалия) какъ знаменія для вѣрующиx и невѣровъ.

1 Кор. 14, 20—25.

Рѣчь здѣсь—о сравнительномъ значеніи пророчества и языкоговоренія или глоссолалии для пользы Церкви въ томъ видѣ, какъ эти духовные дары проявлялись у тогдашихъ Коринѣскихъ христіанъ. Здѣсь, какъ и во всемъ отдѣль о духовныхъ дарахъ (гл. 12—14), языкоговореніе Апостоль несомнѣнно ставить ниже пророчества, находя въ первомъ знаменіе только для невѣровъ и невѣрія, а во второмъ—для вѣры и вѣрующихъ.

Однакожъ приводимые Апостоломъ примѣры, при общепринятомъ переводѣ текста и обычномъ толкованіи дара языковъ, представляются не совсѣмъ ясными. Христіанинъ начинаетъ говорить, положимъ, на монгольскомъ языкѣ, коего не понимаетъ ни самъ онъ, ни присутствующіе на собраніи христіане и невѣрующіе. Но оказывается среди христіанъ кто-либо знающій этотъ языкъ и начинаетъ толковать, что это—такой-то языкъ и рѣчь глоссолала означаетъ то-то. Для вѣрующихъ такія рѣчи глоссолаловъ и ихъ толкователей конечно могли свидѣтельствовать о наитіи Святаго Духа на говорившихъ, но для невѣрующаго тутъ не было никакого знаменія, ибо отъ него здѣсь уже напередъ требуется вѣра въ то, что глоссолаль говоритъ именно на такомъ-то языкѣ и его рѣчь имѣть такое-то значеніе. А если онъ не имѣть такой вѣры, если онъ, какъ называетъ его Апостолъ, есть *клито*—невѣръ, то какое же тутъ могло быть для него знаменіе?

Съ другой стороны и общепринятый переводъ слова *μαίνεσθε*

русско-славянскимъ: „бѣснуетесь“ или, какъ другіе переводы: „безумствуете, сумасшествуете“—не соотвѣтствуетъ мысли Апостола о томъ, что языковореніе должно было служить знаменіемъ для невѣровъ. Въ самомъ дѣлѣ: если присутствовавши на собраніи Коринѣскихъ христіанъ язычникъ и невѣръ, слыша гlosсолаловъ, скажутъ, что это—безумные или бѣснующіеся, то какое же тутъ знаменіе для этихъ невѣровъ и язычниковъ? Напротивъ, если эти, присутствовавши на собраніи христіанъ, язычники и невѣры, подъ неотразимымъ дѣйствиемъ рѣчей пророковъ, признаютъ присутствіе Истиннаго Бога среди христіанъ, то не будуть ли эти пророчества знаменіемъ именно для невѣровъ и язычниковъ? Получается такимъ образомъ обратный выводъ: языковореніе Коринѣскихъ христіанъ могло скорѣе служить знаменіемъ для вѣрующихъ, а пророчества—для невѣрующихъ. А это въ свою очередь могло бы вести къ подозрѣнію, что въ 22-мъ стихѣ термины: *вѣрующіе* и *невѣры* переставлены и текстъ испорченъ, если бы непререкаемая правильность его не была удостовѣрена ветхозавѣтнымъ цитатомъ, гдѣ *ино-говореніе* является знаменіемъ именно невѣрія и тѣхъ, *кто не слушаютъ Господа*.

Эти трудности побуждаютъ насъ войти въ ближайшее истолкованіе указанного текста.

Стихъ 20-й, какъ постоянно у Апостола, представляетъ заключеніе къ предшествующему разсужденію и тему дальнѣйшаго: „Братья! не дѣти будьте (Слав. букв. точно: *бы-вайте*) разумомъ, но зломъ (Русск: *на злое*) младенчествуйте, разумомъ же совершенны будьте (Слав. точно: *быгайте*). Такъ въ жизни христіанской вообще, такъ и частнѣ—въ разсужденіи даровъ духовныхъ, и особенно—языковоренія и пророчества. Апостолъ предостерегаетъ новообращенныхъ Коринѣянъ отъ дѣтски-легкомысленнаго увлеченія языковореніемъ, какъ даромъ чувства и сердца, поставляя на видъ болѣе полезный и болѣе совершенный даръ разума—пророчество (Ср. 14, 1—19).

Далѣе Апостолъ и раскрываетъ сравнительное значеніе обоихъ даровъ по отношенію къ вѣрѣ и невѣрію, находя въ языковореніи, какъ даръ низшемъ и младенческомъ, знаменіе для невѣровъ, а въ пророчествѣ, какъ даръ высшемъ и болѣе совершенномъ, знаменіе для вѣрующихъ.

Слѣдя обычному своему пріему, Апостолъ дѣлить разсужденіе на двѣ половины: общую отвлеченнную (абстрактную) и частную личную (конкретную).

Часть общая (ст. 21—22) также распадается на двѣ половины: въ первой приводится ветхозавѣтное изреченіе (ст. 21), а во второй дѣлается выводъ изъ цитата примѣнительно къ языкоговоренію и пророчеству (ст. 22).

Ст. 21. „*Въ законѣ* (т. е. Ветхомъ Завѣтѣ ср. ст. 34,—Рим. 3 19,—Іоан. 10, 34; 15, 25) написано, что чрезъ иноязычныхъ (*ἐγένετο ἄλλοις*, т. е. людей, говорящихъ иными или другими языками, не обычнымъ природнымъ языкомъ, иноязычникъ, точно въ древне-слав. Христиноп., иными языки тепер. не точно) и чрезъ уста другихъ (*καὶ ἐγένετο ἄλλοις*, др. чт: *ἄλλοις* слав: и устны иными) заговорю народу сему (*λαλήσω τῷ λαῷ τούτῳ*), и такъ (при такомъ говореніи) не послушаютъ (такъ Христин. но тепер. буквальнѣе: и ни тако, Св. Ал: и ни тако же) *Меня, говорить Господь*“. Выраженіе *καὶ οὐδὲ οὕτως* означаетъ: но и тогда (руск.), и ни такими образомъ или и ни тако (слав.), и даже такъ, и все же, и при такомъ говореніи: ср. Марк. 14, 59; 4 Макк. 5, 18; Іезек. 16, 28—29, гдѣ соответствующее ему еврейское *מִבְלָחֵךְ* стоитъ въ параллели съ *וְגַם־לֹא* и даже не, и также не, и все же не, греч: *οὐδὲ εἰν τούτοις*,—въ такомъ значеніи это выраженіе толкуется и варіантъмъ: *οὐδέπω* — и все таки не, и также не, и тогда не. Отрицаніе *οὐδὲ*, а не *οὐχ* мотивируется мыслю о непослушаніи Израилля и другому, предварявшему иноязычие, говоренію Бога, именно чрезъ пророковъ. Къ выражению *εἰσαχούσαι* (варіантъ *εἰσαχούσεται* въ экзегетическомъ отношеніи не имѣть значенія) *μου*—съ родит. въ значеніи повиноваться, внимать, слушать съ намѣреніемъ слѣдоватъ слышимому ср. Мате. 17, 5.—Іоан. 10, 8,—Дѣян. 3, 22 др.

Цитать несомнѣнно взять изъ Иса. 28, 11—12, хотя и не соответствуетъ буквально ни Еврейскому, ни Греческому. Въ теперешнемъ еврейскомъ читается такъ: „потому что (причина того, что у Израиля вмѣсто нравственности царить пустосвятство—заповѣдь на заповѣдь, правило на правило) чрезъ лепечущихъ устами (или: устами иностранцевъ) и чрезъ языкъ иной (чужой) заговорится (заговорятъ) къ народу сему, — имъ говорилось (говорили): „вотъ покой: упокойте утруженнааго, — и вотъ отдыхъ“, и (но) не хотѣли слу-

шатъ“,—LXX: „διὰ ταῦτα δοῦλον ἡμέωρον, διὰ γλώσσης ἑτέρας, ὅτι λαλίσουσι λαφ τούτῳ, λέγοντες αὐτοῖς τοῦτο τὸ ἀγάπαυμα τῷ πειθῶτι καὶ τοῦτο τὸ σύντροψμα, καὶ οὐκ ἥθελονται ἀκούειν: (скорби на скорбь ожидай, надежды къ надеждѣ, еще мало, еще мало) ради худости устѣ, чрезъ языкъ другой,—потому что заговорятъ народу сему, говоря имъ: вотъ покой алчущему и вотъ сокрушеніе,—и не восхотѣли слушать“. Не соотвѣтствуя по буквѣ ни греческому ни еврейскому, а по смыслу приближаясь къ подлиннику (греческій, повидимому, испорченъ и не имѣть ясности), цитатъ Апостола предста- вляетъ перифразъ или таргумъ подлинника, примѣнительный къ раскрываемой писателемъ мысли. Возможно впрочемъ, что Апостолъ читалъ иной текстъ, точно соотвѣтствовавшій цитатѣ, такъ какъ Оригенъ свидѣтельствуетъ, что „онъ нашелъ соотвѣтствующее (*τὰ ἰδούτα μοῦτα τῇ λέξει ταύτῃ*) апостольскому чтеніе въ переводе Акилы“, а Иеронимъ, указуя на различіе въ данномъ случаѣ чтеній еврейскаго, LXX, Симмаха и Феодотиона, молчитъ объ Акилѣ, хотя предполагаетъ, что Апостолъ взялъ текстъ съ еврейскаго подлинника въ теперешнемъ его видѣ, какъ читалъ и самъ Иеронимъ (см. Field, Orig. Hexapla ad h. c.).

Какъ бы то ни было, Апостолъ приводить именно это мѣсто изъ 28-ї главы пророка Исаии. Между тѣмъ какъ вѣнецъ гордыни пьяныхъ Ефремлянъ отдается на попраніе враговъ, „Господь воинствъ, говоритъ пророкъ, въ тотъ день будетъ великолѣпнымъ вѣнцомъ и славною діадемою для остатка народа своего, и духомъ правосудія для сидящаго въ судилищѣ и мужествомъ для отражающихъ непріятеля до воротъ. Но и эти (подобно Ефремлянамъ) шатаются отъ вина и сбиваются съ пути отъ сикеры; священникъ и пророкъ спотыкаются отъ крѣпкихъ напитковъ; побѣждены ви-номъ, обезумѣли отъ сикеры, въ видѣніи ошибаются, въ сужденіи спотыкаются, ибо всѣ столы наполнены отврати-тельною блевотиною, нѣть мѣста. А (еще говорять): „кого хочетъ Онь (Богъ) учить вѣдѣнію? и кого вразумлять про-повѣдью? (Неужели) отнятыхъ отъ грудного молока, отлученныхъ отъ сосцевъ? Ибо все (у насть) заповѣдь на запо-вѣдь, правило на правило, тутъ немногого и тамъ немногого“; потому что чрезъ лепечущихъ устами (чрезъ тѣхъ, кои лепечутъ устами, говорять непонятно, или: устами иност-

ранцевъ) и чрезъ языкъ иной (чужой) заговорится къ народу сему (Русск: за то лепечущими устами и на чужомъ языке будуть говорить къ этому народу),—и мъ говорилось (говорили, буквально: *Кто говорилъ имъ*, т. е. Богъ чрезъ пророковъ): „вотъ—покой, упокойте утруженного (русск: дайте покой утруженному),—и вотъ—отдыхъ,—и (русск: по они) не хотѣли слушать. И будетъ (русск: стало) у нихъ словомъ Бога: „заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, правило на правило, тутъ немнога, тамъ немнога“,—такъ что пойдутъ, и упадутъ навзничъ и разбоятся, и попадутъ въ сѣть и будутъ уловлены. Итакъ выслушайте слово Господне, люди хулы, правители народа сего, чтѣ въ Иерусалимъ. Поелику вы говорите: „мы заключили союзъ со смертю и съ преисподнею сдѣлали договоръ,—(почему) когда всепоражающій (букв: наводняющій, стремительно потопляющій) бичъ будетъ проходить, онъ не дойдетъ до насъ, ибо ложь сдѣлали мы убѣжищемъ для себя и обманомъ прикроемъ себя“, то посему такъ говорить Господь Богъ: „вотъ Я полагаю въ основаніе на Сионѣ камень,—камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крѣпко утвержденный,—вѣрующій въ него не постыдится,—и поставлю судь мѣриломъ и правду вѣсами, и градомъ истребится убѣжище лжи и вѣды потопять мѣсто укрывательства,—и союзъ вашъ со смертю рушится и договоръ вашъ съ преисподнею не устоитъ,—когда пройдетъ всепоражающій бичъ, вы будете попраны,—какъ скоро онъ пройдетъ, схватить (унесеть) васъ, потому что каждое утро будетъ проходить, днемъ и ночью, и будетъ только ужасъ внушать шумъ его“.

Изъ общей связи мыслей явствуетъ, что неяснымъ лепетомъ и языкомъ инымъ вмѣсто прежней ясной и природной рѣчи Богъ заговорилъ съ Израилемъ тогда, когда послѣдний сталъ невѣренъ Богу и непослушенъ Его вѣяніямъ. Пока Израиль былъ вѣренъ Іеговѣ, Онъ говорилъ съ нимъ устами пророковъ, но съ невѣріемъ и богоотступничествомъ Израиля Іегова заговорилъ съ нимъ языкомъ инымъ и устами лепечущими. По связи рѣчи, подъ этимъ языкомъ надо разумѣть то многознаменательное и много говорившее, хотя и неясно и символически, наказаніе, какое Богъ послалъ Израилю за его невѣріе посредствомъ попранія на-

рода Божія иноплеменниками. Этимъ многознаменательнымъ языкомъ событий Богъ заговорилъ съ Израилемъ со времени пльна, когда прекратилось ветхозавѣтное пророчество. И Израиль отчасти понималъ конечно этотъ неясный языкъ Іеговы въ символикѣ событий,—въ наводнившемъ землю бичѣ Божіемъ онъ съ ужасомъ слышалъ гласъ гнѣва Іеговы, наказующаго избранный народъ. Но съ утратою вѣры Израиль потерялъ средство къциальному уразумѣнію того, чего требуетъ Іегова, говоря такими лепечущими устами и языкомъ чужимъ. Іегова требовалъ того, что прежде ясно высказывалъ устами пророковъ: покойте утружденнаго, любите Бога и ближняго, будьте нравственно - святы. Но Израиль, вообразивъ себя совершеннолѣтнимъ, уже давно отнятымъ отъ груди матери своей, по своему невѣрью и упрямству не захотѣлъ внимать этому простому и ясному голосу, а стать зломудрствовать въ разныхъ тонкостяхъ и ухищреніяхъ законничества и мнимаго угодженія Богу посредствомъ заповѣди на заповѣдь, правила къ правилу, разныхъ казуистическихъ мелочей пустосвятства. Такимъ образомъ пророскія „вѣру, правду и милость“ замѣнилъ пустосвятствомъ „жертвы съ мяты, тмина и аниса“. Воображая себя совершеннолѣтними, они оказывается младенцами, кои, не слушаясь матери или нянки, падаютъ навзничь и разбиваются. Израиль слышалъ шумъ отъ наводнишаго землю бича Іеговы, и этотъ шумъ внушалъ ему одинъ только ужасъ предъ гнѣвомъ Божіемъ, заставляя приносить умилостивительныя жертвы разгневанному Іеговѣ,—но за этимъ шумомъ устрашенный Израиль уже не слыхалъ требованій божественной правды и любви, ясно открытыхъ въ пророскихъ словахъ и постигаемыхъ только вѣрою (нравственною чистотою сердца). Такъ по причинѣ невѣрія своего Израиль лишился способности понимать ясная пророскія рѣчи и за это Іегова заговорилъ съ невѣрными народомъ на другомъ мало понятномъ языкѣ исторической символики и грозныхъ событий.

Въ такомъ же отношеніи къ вѣрѣ учениковъ и невѣрію толпы стояло прямое и приточное учение Господа Христа. Постѣ того какъ Онъ всенародно (Мате. 5, 1; 7, 28) и ясно сообщилъ Свое учение въ Нагорной Бесѣдѣ (Мате. 5—7 гл.), стать потомъ учить народъ притчами, а ученикамъ наединѣ

разъяснить ихъ. На вопросъ учениковъ: „почему въ притчахъ говоришь имъ?“ Господь отвѣчалъ: „потому что вамъ дано знать тайны царства небеснаго, а тѣмъ не дано, ибо кто имѣеть, дастся ему и преумножится, а кто не имѣеть, и что имѣеть, отнимется у него; потому въ притчахъ имъ говорю, что видя не видятъ и слыша не слышать и не разумѣютъ; и исполняется съ ними пророчество Исаи, говорящее: слухомъ услышите и не уразумѣете, и взирая не узрите и не увидите, ибо огрубѣло сердце народа сего, и ушами съ трудомъ слушали, и глаза свои сокнули, да не увидятъ глазами, и ушами не услышать, и сердцемъ (не) уразумѣютъ и (не) обратятся, и (не) исцѣлю ихъ“ (Мате. 13, 10—17. 34. 35. 51 ср. Марк. 4, 11 сл. 33—34; Лук. 8, 10). Точно также тайну Своихъ страданій, смерти и воскресенія Господь ясно открывалъ ученикамъ, чтѣ ученики хотя и не понимали, но вѣрили Своему Наставнику (Мате. 16, 21 дал. 17, 9; Лук. 9, 44—45). Напротивъ, невѣровавшей толпѣ и фарисеямъ, книжникамъ, законникамъ и священникамъ Господь открывалъ эту тайну прикровеннымъ образомъ и въ загадочныхъ словахъ, напримѣръ о разрушениіи храма и тридневномъ возстановленіи его (Иоан. 2, 19—22), о яденіи плоти и питіи крови Сына Человѣческаго (Иоан. 6, 43—60), о знаменіи Іоны пророка (Мате. 12, 39—40). Для учениковъ этой прикровенный языкъ Христа не имѣлъ существенно-необходимаго значенія, ибо имъ сообщалась тайна въ прямой и ясной рѣчи, коей они хотя и не разумѣли, но были преданы Господу и вѣрили въ Него. Невѣровавшій же народъ и его руководители, хотя также не понимали прикровенныхъ словъ Христа, однакожъ таинственность ихъ вызывала въ нихъ невольный страхъ ко Христу, заставляла ихъ невольно повиноваться Ему (при изгнаніи торгашей изъ храма, при взятіи Господа Иоан. 2, 14 сл. 18, 6. 8) и прежде-временно не налагать на Него своихъ рукъ (Иоан. 7, 25. 30—32 сл. 44 др.). Такое же устрашающее значеніе для невѣрія имѣли и некоторые таинственно-символическая чудеса Христа—потопленіе свиней и изсущеніе смоковницы, какъ знаменія неизбѣжной гибели всего нечистаго и бесплоднаго, то-есть язычества и юдейства. Таинственность всегда имѣеть въ себѣ нечто устрашающее. Эта таинственность лица и ученія Христа служила для невѣровъ и враговъ Его тѣмъ,

чѣмъ быль шумъ наводняющаго землю бича Божія для невѣровавшаго Израїля. Этотъ таинственно-символической языкъ Іеговы и Христа вызывалъ невольный страхъ въ невѣрахъ.

Сказаннымъ вполнѣ объясняется смыслъ 22-го стиха: „такъ что (ѡбѣ—слѣдствіе или выводъ изъ ветхозавѣтнаго цитата,—соединяетъ этотъ стихъ съ предыдущимъ въ одинъ періодъ, поэтому нельзя ослаблять этой связи разрывомъ предложенийъ, какъ русс.: „и такъ“) языки въ знаменіе суть (служатъ) не вѣрующими (не тѣмъ, кто вѣруютъ), но невѣрамъ, а пророчество—не невѣрамъ, но вѣрующими: ѿбѣ аі ұлаббас еїз бәрмейгъ еїсін ой тоїз пітебеноң аллә тоїз албітоїз, һә бѣ ყоғытѣіс ой тоїз албітоїз аллә тоїз пітебеноңи“. Изъ приведенного ветхозавѣтнаго цитата Апостолъ дѣлаетъ общий выводъ относительно значенія языкоговоренія и пророчества для вѣры или вѣрующихъ и невѣрія или невѣрующихъ. Для возбужденія вѣры и для вѣрующихъ языкоговореніе не имѣеть существенаго значенія и не служитъ знаменіемъ, ибо имѣются ясныя пророческія откровенія. Но для невѣровъ и для укрощенія невѣрія оно является таинственно-устрашающимъ средствомъ, заставляющимъ невольно осторегаться глумленія и насилия надъ истиной и святостью.

„Пророчество же, говорить Апостолъ,—не невѣрамъ, но вѣрующими“. Какимъ образомъ пророчество служить знаменіемъ для вѣрующихъ, это понятно. Оно открываетъ имъ тайны божества, научаетъ, даетъ назиданіе, увѣщаніе и утѣщеніе (ст. 3. 30. 31), вызываетъ вѣру въ тѣхъ, чьи сердца являются чистыми носителями вѣры, какъ напримѣръ въ Наѳанайлѣ (Іоан. 1, 47—50), Самарянкѣ (Іоан. 4, 17 дал.), въ народѣ (Мате. 7, 28—29), ученикахъ (прощальная бесѣда и др.). Но почему же „не невѣрамъ“? Ясная рѣчь о томъ, почему люди не склонны вѣрить, что противно ихъ внутреннему настроению, какъ бы органически отталкивается ихъ нравственною природою,—она можетъ только злить и раздражать ихъ, вызывая въ нихъ звѣрскія влеченія. Когда воспыпалъ гнѣвъ Господа на Амасію и посланъ былъ къ царю пророкъ съ яснымъ обличеніемъ: „зачѣмъ ты прибѣгаешь къ богамъ народа сего?“,—царь отвѣчалъ: „развѣ тебя поставили соѣтникомъ царскимъ? Перестать, чтобы не убили тебя!“ И пересталъ пророкъ, сказавъ: „знаю, что рѣшилъ Богъ по-

губить тебя, потому что ты сдѣлалъ сіе и не слушаешь со-
вѣта моего" (2 Парал. 25, 15—16). Напротивъ вѣрующій Да-
видъ на обличеніе пророка Наѳана отвѣчаетъ: „согрѣшилъ
я предъ Господомъ" (2 Цар. 12, 13) и составляетъ покаян-
ную пѣснь (Псал. 50-й). Тоже и въ Новомъ Завѣтѣ. Ясныя
откровенія и обличенія Господа всегда сопровождаются
смертоубийственной злобой невѣровъ, какъ это было въ На-
заретской синагогѣ (Лук. 4, 28—29), на празднике Кущей
(Иоан. 7, 7. 19. 44,—8, 59), Обновленія (10, 33. 39).

О самыхъ терминахъ: *λιτεύομι*, а не *λιπτοῦ*; (какъ нѣк.
неавтор. варианты),—и, напротивъ, *ἀλίπτοις*, а не *ἀλιπτοῦσι*,—
можемъ замѣтить, что между ними такое же различіе, какъ
между причастіемъ, выражающимъ дѣйствіе или состояніе,—
и прилагательнымъ, означающимъ свойство, качество, при-
надлежность. Соответственно этому въ словахъ Апостола
можно видѣть указаніе на постоянный процессъ живаго вза-
имодѣйствія и развитія вѣры и пророчества съ одной сто-
роны, и бездѣйственности пророчества и устрашающемъ
только вліяніемъ языкововоренія на установившееся уже и
какъ бы затвердѣвшее свойство невѣрія, чѣмъ по русски вы-
ражается терминами: *вѣрующій* и *невѣръ* въ отличіе отъ *не-
вѣрующаго*. Но въ отношеніи этой какъ и другихъ подобныхъ
тонкостей школьной филологии никогда нельзя забывать
обычного словоупотребленія и,—что особенно важно въ дан-
номъ случаѣ, какъ и вообще весьма-весьма часто у Ап.
Павла и другихъ новозавѣтныхъ писателей,—звукового
ритма фразы.

Изъ раскрытаго въ ст. 21—22 общаго значенія языковово-
ренія и пророчества Апостоль дѣлаетъ далѣе частное при-
мѣненіе къ Коринѣской общинѣ (ст. 23—25), и притомъ—
сначала языкововоренія (ст. 23), а потомъ пророчества (ст.
24—25).

„Если такимъ образомъ—εἰν̄ οὖτ“ (это *οὖτ*, опускаемое нѣ-
которыми греч. и лат. и russk., но слав.: убо, Христ.: бо,—не-
обходимо здѣсь для выраженія той тѣсной логической связи,
въ какой дальнѣйшая рѣчь о коринѣскихъ гlosсолалахъ и
пророкахъ стоитъ съ предшествующимъ раскрытиемъ общаго
значенія языкововоренія и пророчества, какъ частное примѣ-
неніе общаго положенія) *„сойдется—συνέλθῃ“* (чтеніе нѣкото-
рыхъ неавтор. *ελθῃ* не имѣеть экзегетического значенія)

„община вся—*ἐκκλησία ὅλη*“ (варіантъ *ὅλη ἡ ἐκκλησία* не имѣеть экзегетического значенія,—разумѣются всѣ коринѣскіе христіане, какое бы мѣсто ни занимали они въ этой общинѣ, почему подъ дальнѣйшимъ *ἰδιῶται* нельзя разумѣть простыхъ мірянъ въ отличіе отъ іерархическихъ лицъ) „*νικη-*
стю—*επὶ τὸ αὐτό* (въ одно мѣсто, гдѣ собиралась община: ср. Мате. 22, 34; Дѣян. 2, 1 ср. Дѣян. 12, 12; Рим. 16, 3; 1 Кор. 16, 19; Дѣян. 18, 2). Это предложеніе выражаетъ общее условіе, къ коему присоединяются потомъ два, болѣе частные: если всѣ говорять языками и если всѣ пророчествуютъ, причемъ параллельно къ общему условію служить также общее для обоихъ частныхъ: если войдутъ (войдетъ) простецы (простець) или невѣры (невѣръ).

„*И* (если) *всѣ* говорятъ (или: станутъ говорить) языками—*καὶ πάντες λαλῶσιν γλώσσας*: Разночтенія: „станутъ говорить языками всѣ“ или: „всѣ языками“ или: „всѣ языками станутъ говорить“ имѣютъ противъ себя авторитетъ кодексовъ Син. Ват. Ал.,—притомъ наиболѣе удостовѣренныя варіанты: второй (Копт. Эвіоп. Амвросіастъ) и послѣдній (код. Безы или Кембр. Вульг. Сир.) не измѣняютъ оттѣнка въ мысли авторитетнаго чтенія. Первый же варіантъ, хотя и можетъ быть понимаемъ въ значеніи логического ударенія на „всѣ“, но онъ менѣе всѣхъ другихъ чтеній удостовѣренъ. Притомъ очевидный ритмический и логический параллелизмъ между 23 и 24 стихами ручается за чтеніе: „*всѣ* говорять языками“, какъ соотвѣтствующее съ „*всѣ* пророчествуютъ“. Въ этомъ параллелизмѣ „всѣ“ есть общий членъ, а „говорять языками“ и „пророчествуютъ“—частныя противоположенія. Это заставляетъ въ первомъ „всѣ“ разумѣть „всѣхъ коринѣскихъ гlosсолаловъ“, всѣхъ, кто обладалъ даромъ языко-говоренія и кто могъ проявить этотъ даръ на собраніи коринѣскихъ христіанъ,—а не „говореніе гlosсолаловъ всѣхъ сразу“, такъ какъ въ параллельномъ „всѣ пророчествуютъ“ невозможно разумѣть одновременное говореніе всѣхъ коринѣскихъ пророковъ (тогда указанное Апостоломъ дѣйствіе пророчествъ на простецовъ или невѣровъ было бы необъяснимо).

„*Войдутъ же* (а между тѣмъ, въ это время войдутъ) *простецы* или *невѣры—εἰσέλθωσιν δὲ ιδιῶται ἡ ἄπιστοι* (опущеніе въ Ватик. „или невѣры“ тенденціозно, если не ошибка

писца,—„невѣры или простецы“ у Амвросіаста не имѣеть экзегетического значенія). Кромѣ толкуемаго мѣста терминъ *ιδιώτης* встрѣчается еще трижды: Деян. 4, 13 и 2 Кор. 11, 6—въ значеніи простеца, не свѣдущаго въ писаніяхъ, не опытнаго въ словѣ (литературно-риторическомъ),—и въ 16-мъ стихѣ толкуемой главы, гдѣ терминъ можетъ означать простаго мірянина коринѣской общинѣ, человѣка мало свѣдущаго въ христіанствѣ, въ отличіе отъ лицъ, занимавшихъ какое-либо особое мѣсто въ общинѣ—учителя, пророка, благовѣстника и под. Но и въ 16-мъ стихѣ терминъ можно понимать въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ толкуемомъ отдельѣ. Происходя отъ *ἴδιος*—своей собственнѣй, особынныи,—терминъ вообще указуетъ на человѣка, не принадлежащаго къ извѣстному кругу лицъ, какому-либо обществу,—стоящаго по отношенію къ нему особнякомъ,—частное лицо въ отличіе отъ должностнаго. Въ толкуемомъ мѣстѣ со всею ясностію и рѣшительностію *ιδιώται* отдельены отъ *η ἐκκλησία δῆται* и поставлены рядомъ съ *ἄλιτοι*. Такимъ образомъ не можетъ быть рѣчи о простомъ мірянинѣ коринѣской общинѣ въ отличіе отъ должностныхъ лицъ. Это—частные посѣтители христіанскихъ собраній, лица частныя, не принадлежавшія къ общинѣ и не посвященные въ интимныя стороны ея жизни,—сначала ходившія на христіанская собранія изъ простого только любопытства, быть можетъ имѣвшія родственниковъ среди христіанъ. А если этихъ *ιδιώται* разумѣть и въ 16-мъ стихѣ, то они оказываются уже предрасположенными къ христіанству, принимающими участіе въ религіозныхъ упражненіяхъ общинѣ своими возгласами „аминь“, какъ прозелиты въ юдейскихъ синагогахъ или оглашенные въ христіанскихъ церквяхъ. Этимъ своимъ безразличнымъ или даже благорасположеннымъ къ христіанамъ настроениемъ они отличались отъ „невѣровъ“, шедшихъ на христіанская собранія съ предвзятою цѣлью хулы и глумленія надъ предполагаемымъ невѣжествомъ и дикостію христіанъ.

Таковые „простецы“ и „невѣры“, войдя въ собраніе христіанъ, гдѣ всѣ говорять языками, „οὐκ ἐρῶσιν“—„не скажутъ“ (объективное отрицаніе *οὐκ* даетъ видѣть, что это не субъективное только мнѣніе писателя, но должно имѣть для себя объективное основаніе въ самомъ этомъ „всѣ говорять язы-

ками“) или „не скажутъ ли“ (причемъ это оѣх будеть указывать на ожидаемый утвердительный отвѣтъ: да, дѣйствительно скажутъ, должны сказать). Нѣть никакихъ, ни грамматическихъ, ни логическихъ, ни экзегетическихъ оснований для предпочтенія одного перевода передъ другимъ. Въ пользу второго перевода можно бы сослаться на филологическое чутье древнихъ переводчиковъ и толкователей, если бы была возможность устраниТЬ подозрѣніе, что на этотъ переводъ вліяло не филологическое чутье, а неудобопрѣлемая, какъ увидимъ, интерпретація термина *μαίγεοθε* въ значеніи „безумствуете“. Съ другой стороны параллелизмъ между толкуемымъ и 24—25-мъ стихами, гдѣ рѣчь не вопросительная, могъ бы свидѣтельствовать за первый переводъ, если бы такое основаніе не было слишкомъ шатко. Въ виду этого толкователь обязанъ считаться съ обѣми возможностями. (Ср. подобныя же мѣста: Іоан. 7, 19; 16, 31; Рим. 4, 1; 1 Кор. 1, 13; 2 Кор. 3, 1; 12, 19; Евр. 10, 2; Іак. 2, 4: Winer-Lünemann, Grammatik des Neutestamentlichen Sprach-idioms, 7 Aufl. Leipz. 1867. § 57. 1 стр. 473—474, и примѣч. 1 на 474 стр.). Надо впрочемъ имѣть въ виду, что возможность обоюдомыслія при *ἔρει* и *ἔροῦσιν* всегда устраняется вопросительными: *πῶς*, *τίς*, *τι'* Мате. 7, 4; Лк. 17, 8,—и у Ап. Павла Рим. 3, 5; 4, 1; 6, 1, 7, 7; 8, 31; 9, 14. 30; и въ толкуемой главѣ 1 Кор. 14, 16,—напротивъ, безъ этихъ вопросительныхъ глаголь вездѣ употребленъ въ утвердительномъ значеніи: Маѳ. 21, 3, Лук. 17, 21; Дѣян. 23, 5 и у Ап. Павла Рим. 9, 20.

Какъ бы то ни было, но форма условнаго предложенія: *εάτ* съ сослагательнымъ наклоненіемъ въ протасѣ и изъявительное главнаго времени или повелительное въ аподосѣ (ср. Winer ib. § 41. 6. 2. стр. 273 ср. 6 стр. 275 и Blass, Grammatik des Neutestamentlichen Griechisch, 2-te Aufl. § 65. 4. стр. 218),—указываетъ на объективную ожидаемость или возможность предполагаемаго случая. Такимъ образомъ при данномъ условіи, т. е. „если всѣ станутъ говорить языками и войдутъ простецы или невѣры“, эти послѣдніе должны будутъ и дѣйствительно „не скажутъ“ или напротивъ „скажутъ“, смотря по тому, какъ переводить оѣх *ἔροῦσιν*.

Содержаніе рѣчи, влагаемой въ уста этихъ простецовъ или невѣровъ посредствомъ союза *ὅτι*, Апостоль выражаетъ тер-

миномъ *μαίγεοθε*, коего значеніе должно опредѣлять смыслъ всего толкуемаго мѣста.

Пракорень *та* (ср. *मादौषि*—стремительно направляться къ чему, сильно желать, домогаться, желать), *тап* и *тен* въ санскрит. означаетъ думать, *man-as* чувство, духъ, воля,—zend. *тап* думать, *manah* чувство, духъ, латин: *me-min-i*, *men-s*, *men-tio*, гот: *ga-tin-p*ан думать, *tin-s* мысль, лит: *tin-iu* думаю, нѣм: *meinen*, слав: мню, мнѣніе, помнити, память (русск: умный, умъ, умѣніе, умѣть?), греч: *μέρω* твердо стоять, *μέρος* стремленіе, желаніе, гнѣвъ, жизненная сила, крѣпость,—*μῆτρις* гнѣвъ, *μηδόμαι*, *μαρθάρω*, *μαίρομαι*, *μαρία*, *μάρτις* (Georg Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5-te Aufl. § 429; ср. Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, art: *μαίρομαι*, *μέττις*, *μέμονται*, *μέρος*, *μέρω* и *μαρθάρω*). Отсюда *μαίρομαι* и *μαρіа*,—подобно русско-славянскимъ *юродство*, *юродствовать*, *юродивый*,—развиваются два значенія: а) хорошее—воодушевленія, вдохновенія, восторга, восхищенія—религіознаго, поэтическаго др. и б) плохое—умоизступленія, неистовства, безумства.

Всѣ древніе переводы, какъ и славянскій и русскій, принимаютъ терминъ во второмъ значеніи: *безумствуете*. Относительно теперешняго славянскаго и русскаго переводовъ „*бѣснуетесь*“ надо замѣтить, что хотя безуміе и сумасшествіе съ библейской точки зрѣнія суть, какъ и всякая болѣзнь, слѣдствіе зла и вліяніе бѣса или діавола, но для бѣснованія въ Бібліи есть свой особый терминъ *δαιμογίζεσθαι* и *δαιμόνιον* *ἔχειν* съ значеніемъ именно *καταδυրαστεύεσθαι* и *τοῦ δαιμόνιου* (Дѣян. 10, 38). Поэтому у Иоан. 10, 20 *μαίγεοθαι* стоитъ послѣ *δαιμόνιον* *ἔχειν* какъ его слѣдствіе и обнаруженіе. Во всѣхъ другихъ случаяхъ *μαίρομαι* и *μαρіа* употребляются въ значеніи именно безумства, умоизступленія, сумасшествія (Дѣян. 12, 15,—26, 11. 24. 25). Такъ и въ ветхозавѣтномъ греческомъ языкѣ (Прем. Сол. 5, 4; 14, 23. 28; 2 Макк. 4, 4; 4 Макк. 7, 5; 8, 5; 10, 13; Псал. 39 (40), 4; Іер. 32 (25), 16; 36 (29), 26; Ос. 9, 7. 8). Такъ и въ обычномъ языкѣ эпохи *κοινῆ* (ср. напр. The Oxyrhynchus papyri, ed Grenfell—Hunt, Part 1. XXXIII, 10. 14 стр. 67, папир. 2 ст. по Р. Х: *μαίρομένους*; *καὶ ἀποτενομένους* *σωφρογίζειν*—*οὕτε μαίρομαι οὕτε ἀποτενομάσαι*). Поэтому вмѣсто: *бѣснуетесь* (Апост. Румян. музея. 1495 г., Біблія 1499 г. Моск. Син. Бібл. др. позд.) лучше древне-

слов: изумляется, или ся дѣете (Христин.), неистови есте (св. Ал.), т. е. безумствуете, неистовствуете.

Однакожъ при такомъ значеніи термина не получается удовлетворительного отвѣта на вопросъ: какимъ образомъ языки служить знаменіемъ не для вѣрующихъ, но для невѣровъ, а пророчество не для невѣровъ, но для вѣрующихъ?

Если будемъ переводить утвердительно: невѣры и простецы „не скажутъ, что вы безумствуете“, то въ чёмъ же будетъ состоять знаменіе для нихъ? Неужели только въ томъ, что христіане находятся въ здравомъ умѣ, а не безумствуютъ, какъ о нихъ быть можетъ сплетничали язычники. Притомъ: какимъ образомъ языкоковореніе, коего безъ содѣйствія толкователей не понимали даже сами вѣрующіе, могло бы убѣдить невѣра въ томъ, что глоссолаль не безумствуетъ? Если же предполагать тутъ, хотя и безъ всякихъ основаній, мысль у Апостола о содѣйствіи толкователей, то вѣдь такая интерпретація, не возбуждая никакихъ подозрѣній въ самихъ вѣрующихъ, не могла быть убѣдительной для невѣровъ и имѣть для нихъ какое-либо значеніе. Такимъ образомъ въ языкоковореніи не получается никакого знаменія для невѣровъ,—скорѣе напротивъ—оно въ такомъ случаѣ служило бы знаменіемъ именно только для вѣрующихъ.

Если же слѣдовать общепринятыму переводу въ видѣ вопроса: невѣры и простецы „не скажутъ ли, что вы безумствуете (или: бѣснуетесь)“, т. е. именно это „безумствуете“ и скажутъ, то не только не будетъ никакого знаменія для невѣровъ, но получится совсѣмъ обратное, именно противознаменіе. Невѣры вынесутъ впечатлѣніе, что христіане сумасбродничаютъ и неистовствуютъ. Нельзя думать, что Апостоль разумѣеть здѣсь собственно безтолковое и одновременное говореніе всѣхъ глоссолаловъ сразу и безъ всякаго порядка, чтѣ должно было вызывать въ невѣрахъ подозрѣніе христіанъ въ сумасшествії. Въ такомъ случаѣ языкоковореніе ничѣмъ бы не отличалось отъ пророчества, если бы подъ „всѣ пророчествуютъ“ разумѣть подобное же безтолковое и одновременное говореніе всѣхъ пророковъ сразу. Невозможность толкованія „всѣ“ здѣсь въ смыслѣ „всѣ сразу, одновременно“ со всею рѣшительностю явствуетъ также изъ того, что далѣе и пророкамъ, какъ и глоссолаламъ, Апостоль повелѣваетъ говорить не совсѣмъ сразу, но

одинъ за другимъ, въ порядкѣ (ст. 27—29). Это показываетъ, что въ толкуемомъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь о знаменіи языковоренія для невѣровъ и пророчества — для вѣрующихъ, терминъ „всѣ“ надо понимать или въ смыслѣ „всѣхъ коринѣскихъ христіанъ“, чѣмъ увидимъ, не возможно допустить, или же только „всѣхъ обладателей этихъ даровъ“. Но допустимъ наконецъ, что Апостолъ говоритъ именно это: „при одновременномъ говорѣ всѣхъ глоссолаловъ присутствующіе невѣры не скажутъ ли, что вы безумствуете“. Тогда что же получится при упорядоченномъ говорѣ глоссолаловъ? Конечно то, что „невѣры не скажутъ, что вы безумствуете“, т. е. именно то самое толкованіе, какое получается при чтеніи *оѣхъ єроѹбигъ* безъ вопроса и коего неудовлетворительность уже раскрыта нами.

Невозможность общеупотребительнаго въ обыденномъ говорѣ значенія термина въ плохомъ смыслѣ заставляетъ давать ему другое, хорошее значеніе. Вѣдь если бы рѣчь шла о встрѣчѣ коринѣскихъ язычниковъ съ христіанскими глоссолалами гдѣ-либо на улицѣ, на площади, по дорогѣ, — то название этихъ глоссолаловъ сумасшедшими въ устахъ язычниковъ было бы вполнѣ естественно и такое значеніе термина *μαίγεσθε* совершенно подходило бы къ данному положенію. Но Апостолъ даетъ совсѣмъ другое положеніе: всѣ коринѣские христіане сошлись въ одно мѣсто для религіозныхъ упражненій и богослуженія,—на этомъ собраніи одними поются пѣсни съ религіознымъ содержаніемъ, другими читается Слово Божіе, иные поучаютъ назидательнымъ словомъ, другіе рассказываютъ евангельскія события, иные пророчествуютъ, иные говорятъ языками. И вотъ на такое собраніе являются посѣтители изъ язычниковъ и невѣровъ, конечно изъ религіознаго любопытства,—они слышать здѣсь однихъ только глоссолаловъ, и это языковореніе должно служить знаменіемъ именно для нихъ, невѣровъ-язычниковъ, а не для самихъ христіанъ. Если при такихъ условіяхъ Апостолъ влагаетъ въ уста невѣровъ-язычниковъ терминъ *μαίγεσθε*, то очевидно этотъ терминъ употребленъ въ его специальнѣ-религіозномъ и особенномъ, соотвѣтствующемъ данному положенію, техническомъ смыслѣ (*terminus technicus*)—религіознаго вдохновенія, воодушевленія, богоусповѣщенности, божественнаго наитія, религіознаго восторга,

экстаза и под. Это то же, что слово *куралеситъ* услышать въ обычномъ говорѣ, и прочитать въ богослужебной книжѣ (отъ *κύριε ἐλέησον* на экзеніи), или *юридствовать*—въ газетной полемикѣ, и въ житіи святаго.

Такое значеніе терминъ имѣтъ всегда, когда рѣчь идетъ о религіозныхъ предметахъ, поэзіи, наукахъ, геройствѣ, любви и под. Такъ *μαγόμενος Λιόνισος*—изступленный, восторженный Діонисъ (Богъ) въ Иліадѣ VI, 132,—*μαίγεθαι τῷ Λιόνισῳ*—восторгаться, восхищаться въ честь Діониса и Аполлона—о жрицахъ у Софокла Ant. 1138 и Павзанія 2, 7. 5 ср. 10, 32. 7: *μαίγεθαι ὑπὸ τῷ θεῷ*—быть вдохновеннымъ отъ (дѣйствія) бога—у Геродота 4, 79 (см. лексиконы Passow—Rost et cet. и Liddell—Scott къ эт. сл. и Thesaurus Stephani, V. 506—507. 565—566). Особенно у Платона: въ Тимеѣ 86. В (Schneid. II. 245) прямо различаетъ *δύο ἀγοῖας γέγη, τὸ μὲν μαγίας, τὸ δὲ ἀμαθίας*,—ср. 71, Е — 72. А (Schneid. 234) о различіи между *μαγίας* и *λορφήτης*, причемъ *μαγεῖς* мыслится какъ *ἄθεος* (Карповъ, изд. 1879 г. VI. 457),—особенно же въ діалогахъ, посвященныхъ любви — Федрѣ 265, А—В (Hirsch. I. 726), гдѣ философъ также различаетъ манію двухъ родовъ—происходящую отъ человѣческихъ болѣзней и отъ божественной перемѣны обычнаго состоянія, причемъ божественная манія раздѣляется на четыре вида: пророческую (*μαρτικήν*), вдохновляемую Аполлономъ, таинственную или мистическую (*τελεστικήν*) — невѣрно у Карпова: усовершительную)—Діонисомъ, поэтическую (*ποιητικήν*)—Музами и четвертую, названную наилучшею, любовную (*ερωτικήν*)—Афродитою и Эросомъ (Карповъ 2 изд. IV. 91); ср. 244. А — 245. (Hirsch. 711; Карп. 48 — 50); 256, В (Hirsch. 719, Карп. 74); Sympos. 218, В (Hirsch. 693, Карп. 217) Ion. 536. с; см. Astius, Lexicon Platonicum ad h. v.¹). Подробно раскрываетъ религіозное значеніе термина Ямвлихъ III. 8: причиною, по его словамъ, божественной маніи (*θεάς μετίας*) служать ниспосыпаемые отъ боговъ свѣты и сообщаемые отъ нихъ души, кои всецѣло овладѣваютъ человѣкомъ, такъ что онъ произносить слова

¹⁾ Такое употребленіе термина можетъ служить однимъ изъ признаковъ того, что Ап. Павель былъ знакомъ съ философско-платонической терминологіей и быть можетъ даже съ посвященными діалогами Платона. Ср. нашу: „Новозавѣтная Пѣснь Любви сравнительно съ Пиромъ Платона и Пѣснью Пѣсней“ стр. 41 и прим. 3 и стр. 55.

не какъ сознательно-разумную рѣчь, но издаётъ ихъ (*φθεγ-
γομένων κύτον*) изступленными устами (*μειομένος στόματος*). Это языческое употреблениe термина извѣстно и библейскому греческому языку, причемъ терминъ употребляется рядомъ съ *προφητεύειν*, какъ у Плат. въ Тим. 71, Е—72, А. Такъ въ Прем. Сол. 14, 27—28 языческое идолослуженіе (*εἰδώλων φοι-
σκεῖα*) считается началомъ всякаго зла, ибо они (язычники) или *εὐφραιγόμενοι μεμήγασι* (культь Діониса) или *προφητεύοντις φεῦδη* (культь Аполлона),—и у Іерем. 36 (29), 26 о *ἐν τῷ οἴκῳ Κυρίου παττὶ ἀνθρώπῳ προφητεύοντι καὶ παττὶ ἀνθρώπῳ μειο-
μένῳ*, т. е. обь отиправленіи языческаго культа въ Йерусалимскомъ храмѣ. А у Филона терминъ прямо примѣняется къ библейскому пророческому и вообще священному экстазу въ Quis rer. divin. haeres 51 (Wendl. III. 56—57. § 249): *ἔκστασις ἡ
μέρ εστι λέπτα μαριώδης παράγοντας εὔχοιούσα... η δὲ πιστῶ πρόστη
ἔρθεος κατακυρχή τε καὶ μαρίν, η τὸ προφητικὸν γένος χρῆται;* въ De somn. II, 34 (Wendl. § 232. III. 295—296): *ὅταν μὲν ἐξ ἔφο-
τος θείου καταβεθεῖται ὁ γοῦς, συντείνας ἑκτοῦ ἀχρι τῶν ἀδέτων,
οὐαὶ καὶ πλούτῳ πάσῃ χρώμετος, προέρχεται θεοφορούμενος ἐπιλέ-
ιησται μὲν τῷ μὲν πᾶσι, ἐπιλέιησται δὲ καὶ εἰποῦ, μόγον (δὲ) μει-
γιται καὶ ἐξήρτηται τοῦ δοριφορούμενον καὶ θεοφαλενούμενον, ὃ
τὰς ἴερὰς καὶ ἀτασθεῖς καθαριζόντων ἀρετὰς εὐθυμιῆς. ἐπειδὴ δὲ στῆ
(τὸ) ἐνθουσιῶδες καὶ ὁ πολὺς ἴμερος χαλάσση, παλιγφορούμενος ἐπὶ
τῷ θείῳ ἀνθρώπῳ γίγεται τοῖς ἀνθρώποις ἐτυχόντες: т. е.,
„экстазъ бываетъ разный: то это есть изступленное неистов-
ство, причиняющее безуміе... но превосходнѣйшій изъ всѣхъ
(родовъ экстаза) есть божественное обдергание и манія, свой-
ственный пророкамъ.... когда умъ, объятый божественною
любовью (эросомъ), простерши себя до предметовъ сокро-
венныхъ, быстро и стремительно уносится впередъ, бо-
гомъ влекомый, тогда онъ забываетъ обо всемъ прочемъ,
забываетъ даже о себѣ самомъ, ипомнитъ обь одномъ только
своемъ Владыкѣ, Коему освящаетъ и воскуряетъ священ-
ныя и безтѣлесныя добродѣтели“. Эти мѣста изъ Филона
показываютъ, какъ платоническо-языческая манія могла быть
понимаема іудеями, воспитавшимися на Библіи и знакомыми
съ греческою философиєй. Они служатъ также прекрасною
изъяснительною параллелью къ 1 Кор. 13, 1 и 2 Кор. 12,
1—4. Наконецъ извѣстна одна іудейская могильная над-
пись·заклинаніе на греческомъ языке, въ коей встрѣчаются*

термины *ἔρωτα μαιγόμενον* въ томъ же платоническомъ филоновскомъ значеніи божественнаго или священнаго восторга страстной любви (у Deissmann'a, Bibelstudien, на 26-й страницѣ, 6-я строка надписи,—ср. транскрипцію на стран. 28, строку 6-ю и переводъ на 31 стр.). Отсюда видимъ, что не только у язычниковъ — грековъ, но и у іудеевъ, говорившихъ на греческомъ языкѣ (преимущественно Александрійскихъ) было общеизвѣстно и употребительно религіозное значеніе термина *μαιγέσθαι*. Такимъ образомъ *μαιγέσθε* надо переводить: „*вдохновляется (Богомъ), богоодухновлены, богоодухновляется*“.

Соответственно этому 23-й стихъ получаетъ такой смыслъ:

Если такимъ образомъ сойдется община (церковь) вся (всѣ коринѣскіе христіане, какое бы ни имѣли они положеніе въ общинѣ) вмѣстѣ (въ одно мѣсто для богослуженія и религіозныхъ упражненій) и всѣ говорятъ (станутъ говорить, заговорятъ) языками (всѣ гlosсолалы коринѣскіе, коихъ, надо думать, было очень много, а пе всѣ коринѣскіе христіане, ибо стоящее съ этимъ изреченіемъ въ логической и риторической параллели „всѣ пророчествуютъ“ отнюдь не можетъ содержать въ себѣ мысли, что всѣ коринѣскіе христіане были пророками, а между тѣмъ такой именно мысли должна бы требовать форма условія, указующая на объективную возможность и ожидаемость данного предположенія; впрочемъ мысль измѣняется только количественно, а не качественно: очень многіе и всѣ), а (между тѣмъ, въ это время) войдутъ (язычники) простецы или невѣры, то (слыша всѣхъ коринѣскіхъ гlosсолаловъ, или пусть даже всѣхъ христіанъ, говорящихъ языками) не скажутъ или не скажутъ ли, что вы богоодухновляетесь.“

Если переводить „не скажутъ“ (ср. Лук. 17, 8. 21; Дѣян. 23, 5 изъ Исх. 22, 37), то очевидно Апостоль запрещаетъ или, по крайней мѣрѣ, не одобряетъ, чтобы „всѣ говорили языками“, такъ какъ это можетъ послужить препятствіемъ для языкоговоренія быть „зnamеніемъ не для вѣрующихъ, а для невѣровъ“. Какимъ образомъ? А такъ, что если всѣ многочисленные коринѣскіе гlosсолалы станутъ говорить свои, даже для вѣрующихъ бывшія непонятными безъ толкованія, рѣчи, то на присутствовавшихъ язычниковъ, непосвященныхъ въ тайны христіанской вѣры, такія рѣчи должны были оставаться безъ всякаго дѣйствія. Присутствовавшіе

могли замѣтить восторгъ глоссолаловъ въ жестахъ, взорахъ, голосахъ, но содержаніе вдохновенной рѣчи оставалось недоступнымъ ни для язычниковъ, ни для христіанъ (ст. 2—19). Вотъ почему Апостолъ не дозволяетъ говорить болѣе двухъ и, самое большее, трехъ глассолаловъ порознь, но подъ условіемъ истолкованія глассолалической рѣчи, въ противномъ случаѣ рѣшительно повелѣвается молчать въ собраніи, а говорить себѣ и Богу (ст. 27—28). Трудность и таинственность рѣчей глассолаловъ требовала отъ нихъ возможной сокращенности и яснаго истолкованія, иначе онъ бы были бы утомительны и бездѣйственны, такъ что язычники не могли бы сказать, что христіане находятся въ состояніи боговдохновенности. Напротивъ краткія, но таинственные изреченія двухъ-трехъ глассолаловъ, произнесенные восторженными звуками, съ вдохновенными взорами и жестами, и понятно разъясненные толкователями, захватывали и присутствовавшихъ язычниковъ, сообщая имъ восторгъ глассолала и его толкователя. Подъ вліяніемъ этого, даже невольнаго, восторга язычникъ долженъ былъ видѣть въ языкоговореніи христіанъ знаменіе ихъ богоухновенности или той „божественной мані“, что сообщается, по языческимъ воззрѣніямъ, отъ боговъ, „ниспосылающихъ“ въ ней людямъ своихъ „духовъ“ и свои „свѣты“. При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ христіанствомъ это знаменіе для язычника могло перейти въ первую ступень его вѣры и бросить въ его сердце первый лучъ Христова свѣта.

Такъ это—для язычниковъ, коихъ Апостолъ называетъ „простецами“, т. е. если и не благосклонно, то и не враждебно или безразлично относившимися къ христіанству, а можетъ быть интересовавшимися имъ изъ-за своихъ близкихъ—родныхъ и знакомыхъ христіанъ. Но и для упорныхъ „невѣровъ—язычниковъ“ языкоговореніе служило „знаменіемъ“. Эти шли на христіанская собранія съ предубѣжденіемъ, съ враждебнымъ настроениемъ, для глумленія, ославленія и под. И вотъ, наслышавшись разныхъ нелѣпыхъ сплетень, такой „невѣръ“, вместо ожидаемой пищи для глумленія, дѣлается невольнымъ свидѣтелемъ восторженныхъ, таинственно-краткихъ, сильныхъ и вдохновенныхъ изреченій глассолаловъ, съ изъясненіями ихъ толкователями. Тутъ уже нѣтъ мѣста глумленію. Язычникъ „невѣръ“ по меньшей мѣрѣ долженъ быть признавать у христіанъ ту же божественную манію,

какую онъ находилъ у своихъ почитаемыхъ оракуловъ. И это сознаніе присутствія какой-то таинственной божественной силы, быть можетъ какого-либо еще „невѣдомаго бога“, вызывало у суевѣрнаго язычника - „невѣра“ невольный страхъ предъ христіанами и уваженіе къ нимъ, вмѣсто прежняго глумленія, на основаніи заочныхъ слуховъ о нихъ. Это—такое же, устрашавшее язычниковъ-„невѣровъ“, знаніе, какъ „шумъ наводняющаго землю бича Божія“ для невѣровавшаго Израиля, или таинственность ученія Христа о Своемъ лицѣ—для невѣровавшихъ іудеевъ и ихъ вождей.

Что же касается для самихъ вѣрующихъ, то это языковореніе, при наличности другихъ, высшихъ, даровъ и откровеній, не могло быть такимъ знаменіемъ. Для нихъ не требовалось виѣшняго знаменія присутствія среди нихъ божества, ибо они носили Бога и Христа внутри себя, въ своихъ умахъ, чувствахъ и воляхъ. И вмѣсто страха предъ Богомъ они преисполнены были сыновнею любовью къ Небесному Отцу своему. Языковореніе для нихъ было тѣмъ же, чѣмъ символической языкъ исторіи для вѣрующаго Израиля, имѣвшаго и понимавшаго ясныя пророчества,—или притчи и таинственно-символическая рѣчи Господа для Его учениковъ, слышавшихъ прямое ученіе Христа.

Смысь не измѣняется существенно и при переводе вопросомъ: „не скажутъ ли?“ Такъ какъ форма вопроса предполагаетъ положительный отвѣтъ, то, обращая вопросительное предложение въ предполагаемое утвердительное, получаемъ мысль: „должны сказать“, что равно утвердительному „скажутъ“. Другой оттѣнокъ мысли будетъ только въ условіи: „если всѣ станутъ говорить языками“, т. е. всѣ коринѣскіе глоссолалы, какъ и всѣ пророки, подъ указанными ниже условіями — пророки, двое или трое, но могутъ и всѣ по одиночно пророчествовать, а глоссолалы могутъ говорить только двое и самое большее—трое, и то только при наличности истолкованія глоссолалической рѣчи.

Теперь уже не трудно опредѣлить смыслъ и 24—25 стиховъ, раскрывающихъ, какимъ образомъ у коринѣскихъ христіанъ „пророчество служило знаменіемъ не для невѣровъ, а для вѣрующихъ“.

„Если же всѣ (не всѣ онѣ сразу, ибо тогда не могло бы послѣдовать того дѣйствія пророчества на посѣтителей языч-

никовъ, какое предполагается въ 25 стихѣ,—и не всѣ коринѣскіе христіане, что было бы невѣрно и не соотвѣтствовало бы формѣ условія,—но всѣ пророки коринѣской общинѣ,—всѣ, кто получалъ даръ пророчества) пророчествуютъ (или: станутъ пророчествовать), а (или: и) войдеть кто не вѣръ или простецъ (частный посѣтитель-язычникъ), — онъ обличается всѣми (букв.: ото всѣхъ—св. Ал. ср. Христин. разумѣется: всѣми пророками и всѣми христіанами на основаніи пророческихъ откровеній ср. ст. 29), судится всѣми (собств: подвергается сужденію, обсужденію со стороны всѣхъ, востязается отъ всѣхъ древнєсл.), тайны (варіантъ, прибавл: хл̄ оѣтъ—древнєсл. и Ал. не имѣть экзегетического значенія) сердца его явными становятся (слав. букв.: бываютъ), и такъ (при такомъ положеніи дѣла, такимъ образомъ хл̄ оѣтъ очевидно соотвѣтствуетъ хл̄ оѣтъ ст. 21), павъ на лицѣ, поклонится Богу (тѣ феоф—Коего исповѣдуютъ христіане, истинному), возвещая, что истинно (перестановка хл̄тъ послѣ феос не измѣняетъ смысла) Богъ (феос одни и о феос—другіе: въ послѣднемъ случаѣ получается то же значеніе, какъ и тѣ феоф—истинный Богъ, Коего исповѣдуютъ христіане,—въ первомъ терминѣ понимается съ точки зре-нія невѣра, въ моментъ его исповѣданія, когда онъ еще не наученъ христіанской вѣрѣ и признаетъ только присутствіе у христіанъ истиннаго божества вообще) у (слав: вѣ) васъ (или: среди васъ, русск: съ вами) есть“.

Дѣйствіе пророчествъ на языческихъ посѣтителей христіанскихъ собраній, какъ и языкоговоренія, надо различать опять двоякое, соотвѣтственно дѣлаемому Апостоломъ различію самихъ посѣтителей. На лицѣ, хотя и не вѣровавшихъ, но склонныхъ къ христіанской вѣрѣ, и на „простецовъ“-язычниковъ обличеніе и обсужденіе тѣхъ тайныхъ мерзостей язычества, о коихъ срамно и говорить (Ефес. 5, 10—14; Римл. 1, 14 сл.), должно было производить такое же неотразимое дѣйствіе, какъ слова Господа на Наѳанаила и Самарянку (Іоан. 1, 48 сл. 4, 18 сл.). Это раскрытие тайныхъ язвъ язычества въ каждомъ нравственно настроенномъ простецѣ должно было вызывать вѣру въ истинность христіанской религіи и исповѣдуемаго ею божества,—приводило его къ истинной вѣрѣ и такимъ образомъ было знаменіемъ „вѣрующимъ“ и „для вѣры“. Языкоговореніе для нрав-

ственno настроеннаго язычника - простеца могло представлять нѣкоторое сходство съ оракулами,—оно служило ему знаменiemъ только „божественной мані“ христіанъ, ихъ вдохновенія отъ „ниспосылаемыхъ богами духовъ и сообщаемыхъ ими свѣтовъ“. Пророчество же не имѣло ничего себѣ сходнаго въ язычествѣ: оно было обличенiemъ язычества и яснымъ раскрытиемъ его мерзостей. Здѣсь уже не „обдержаніе божественнымъ вдохновеніемъ“ и таинственно-восторженные звуки и слова,—здѣсь само божество устами пророка непосредственно, ясно и неотразимо говорило всему внутреннему существу нравственнно настроенной природы языческаго простеца. Поэтому онъ невольно ощущалъ здѣсь не „божественное только вдохновеніе“, но „истое присутствіе самого божества“,—становился уже вѣрующимъ Христіаниномъ и общникомъ царства Христова.

Напротивъ въ закоренѣлыхъ невѣрахъ, съ головою погрязшихъ во всѣхъ мерзостяхъ языческаго культа плоти и неспособныхъ обуваться духомъ Христа, шедшихъ на христіанская собранія или только изъ празднаго любопытства или же съ злостною цѣлью глумленія,—сильныя и ударявшия прямо по совѣсти прореческія обличенія мерзостей язычества могли только растравлять неисцѣльныя язвы плотослуженія, только тревожить ихъ сожженную и гнилую совѣсть, только выставлять на показъ ихъ тайныя срамоты. Это—то же самое дѣйствіе, что слова пророка—на Амосію и обличенія Господа — на Его враговъ. Языкоговореніе по крайней мѣрѣ страшило такихъ невѣровъ, пророчество—только озлобляло.

А для самихъ „вѣрующихъ“ христіанъ пророчество служитъ ко всеобщему „назиданію, утѣшенню и увѣщанію“, тогда какъ „говорящій языккомъ говорить не людямъ, а Богу, потому что никто не понимаетъ, онъ духомъ говоритъ тайны: говорящій языккомъ себя самого назидаетъ, а пророчествующій церковь (все собраніе, всю общину) назидаетъ“ (ст. 2—4). Какъ даръ ума, пророчество имѣетъ болѣе устойчивое и болѣе общественное значеніе,—напротивъ языкоговореніе, какъ даръ сердца и чувства, отличается болѣе личнымъ и измѣнчивымъ характеромъ. Тамъ — назиданіе, увѣщаніе, утѣшенніе; здѣсь — настроеніе, восторгъ, языкъ чувства.

Таково значение языкоговоренія и пророчества въ христіанской Церкви всѣхъ вѣковъ и народовъ. Правда, послѣ Апостоловъ Церковь не знаетъ другихъ пророковъ. Равно и о языкоговореніи Златоустъ замѣчаетъ, что въ его время оно уже прекратилось въ Церкви. Но то—проявленія этихъ даровъ особыя, апостольскія, не повторяемыя, какъ не можетъ повторяться и само апостольство, основанное на самовидствѣ Господа Христа. Но другіе образы проявленія этихъ даровъ въ христіанствѣ отнюдь не прекращались и прекратиться не могутъ. Какъ божественные и духовные дары (*τὰ πτερυγιακά, τὰ χαρίσματα*) воли (любовь), чувства (языкоговореніе) и ума (пророчества), они также вѣчны, какъ самыя эти проявленія или силы духовной жизни вѣрующаго христіанина. Измѣняясь въ исторіи Церкви, они неизмѣнны и вѣчны по существу. И въ толкуемомъ мѣстѣ разумѣются не исключительно апостольскіе, а общехристіанскіе дары пророчества и языкоговоренія. Какъ даръ ума и вѣры, назидающей, утѣшающей и увѣщающей вѣрующихъ,—пророчество лежитъ въ основѣ христіанского вѣроученія, христіанской науки, церковнаго устройства, теоретического раскрытия и практическаго осуществленія христіанскаго идеала посредствомъ *всей соборной Церкви*. Какъ даръ чувства и надежды, вызывающей въ вѣрующемъ божественный восторгъ и восхищеніе до третьяго неба,—языкоговореніе служить неизсякаемымъ источникомъ *личнаго подъема религіозной жизни* въ каждомъ вѣрующемъ, христіанскаго богослуженія и поэзіи. Третій даръ—воли и дѣйственности, любовь служить высшимъ „союзомъ совершенства“ (Кол. 3, 14) проявленій христіанскаго духа въ согласной и плодотворной дѣйственности (1 Кор. 8, 2—3; Гал. 5, 5—6; Кол. 1, 4—5; 1 Фесс. 5, 8) съ двумя первыми, но подъ ея главенствомъ (1 Кор. 13, 13).

Наконецъ и въ настоящее время, какъ и всегда, сильный энтузиазмъ религіознаго духа, высокий подъемъ религіозной совѣсти и пламенная ревность религіознаго чувства — всѣ эти образы проявленія подлинно-христіанской глоссолалии въ истинныхъ послѣдователяхъ Христа остаются единственно-дѣйственными знаменіями для всякихъ неистовствъ невѣрия и противъ всякаго рода изувѣровъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ замѣчающіяся въ истолкованіи мѣстѣ (какъ и во многихъ отдѣлахъ первого посланія къ Коринѳянамъ и прочихъ посланій Апостола Павла, равно и въ другихъ новозавѣтныхъ и многихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ) своеобразное *созвучіе словъ* (звуковой ритмъ) и *соответствіе мыслей* (логической параллелизмъ), поскольку это можетъ имѣть экзегетическое значеніе.

Ἄδελφοί, μὴ παιδία—γίνεσθε τὰς φρεσί, ἀλλὰ τῇ κακίᾳ—τηρησέτε, τὰς δὲ φρεσὶν—τέλειοι γίνεσθε.

* * *

*Ἐγ τῷ τόμῳ γέγραπται,
ὅτι ἐν ἑτερογλώσσοις
καὶ εἰρ χείλεσιν ἑτέρων
λαλήσω—τῷ λαῷ τούτῳ,
καὶ οὕδοντας εἰσακούσοται μου,
λέγει Κύριος.*

* * *

*Ωστε αἱ γλῶσσαι
εἰς σημεῖον εἰσήσῃ
οὐ τοῖς πιστεύοντοι,
ἀλλὰ τοῖς ἀπίστοις,—
ἥ δὲ προφῆτεία
οὐ τοῖς ἀπίστοις,
ἀλλὰ τοῖς πιστεύοντοι¹⁾.*

* * *

*Εἰστε οὖτε εἰκαλησίαι ὅλη—ἐπὶ τῷ οὐτι
καὶ πάρτες λαλῶσιν γλώσσαις,
εἰσέλθωσιν δὲ ἴδιωται—ἢ ἄπιστοι,
οὐκ ἔροῦσιν ὅτι μαίρεσθε.*

* * *

*Εἰστε δὲ πάρτες προφῆτεύοντοι,
εἰσέλθῃ δέ τις ἄπιστος ἢ ἴδιώτης,*

¹⁾ Первые шесть строкъ можно соединить въ три стиха.

εἰέγχεται ἐπὸ πάτωρ,
ἀπεκρίνεται ἐπὸ πάτωρ,
τὰ κρεπτὰ τῆς καρδίας αὐτοῦ
φανερὰ γίνεται,
καὶ οὕτως πεσὼν—ἐπὶ πρόσωπον
προσκινήσει τῷ Θεῷ—αἴταγγέλλων
ἢν ὅτις (ό) θεός—ἐν ἐμή ἔστιν.

(Cр. Ioh. Weiss, Beiträge zur Paulinischen Rhetorik,—нашу „Новозавѣтная пѣснь любви сравнительно съ Пиромъ Платона и Пѣснью Пѣсней“ стр. 80 — 92, статью въ Богосл. Вѣстникѣ за 1892 г. Октябрь,—и комментаріи: Heinrici, Godet, Holsten, Cornely, Meyer-Heinrici и Holtmann).

M. Myретовъ.
